

ЕВГЕНИЯ САМАИ

ГЕЛЬ-ГЬЮ

РАССКАЗ

Море — заманчивое, волнующее, с криками чаек, с белым пароходом, скользящим по горизонту, — манило шумом набегающих волн и тем непередаваемым запахом, в котором искрились ароматы плодов, роз, рыбы и соломенной сухости земли. Море манило, но было так далеко.

— Три дня работаешь, три дня отдыхаешь — загорай, купайся; выход — тысяча рублей, без процентов, с жильём я договорилась. В восемь уже раскладываешь товар, и вечером — пока подходят: до восьми, девяти, как получится. Отработаешь, и делай, что хочешь. За месяц успеешь отдохнуть. Шляпу возьми с полями, столик на улице.

Вера слушала Раису молча. Приятельница искоса посмотрела на неё и продолжила:

— Когда ты ещё окажешься в Крыму на таких выгодных условиях? И заработаешь, и отдохнёшь, жильё бесплатно.

Феодосия — так давно желанная — становилась почти реальной, и шум прибора казался сказочной музыкой, но Вера всё ещё в нерешительности молчала. Раису она знала плохо, та приходила пить кофе по утрам, когда Вера подрабатывала прошлым летом на рынке. Раиса торговала на улице мелочёвкой и сувенирами. С отпускных Вера наконец-то погасила кредит, и к середине отпуска денег у неё как раз хватало, чтобы купить билеты на самолёт до Симферополя и обратно. В остатке — две тысячи. Знакомых на юге у Веры — ноль, а ехать почти без денег в Крым — кто бы решился. Но если за отработанные три дня получать расчёт сразу и экономить, то можно как-то

САМАИ Евгения родилась в Горно-Алтайске. Окончила филологический факультет Горно-Алтайского педагогического института. Работает в школе. Дебютировала как драматург, участник «Авторской школы» 2013 года с пьесой «Кайф по пятницам». Данная публикация — прозаический дебют.

прожить, да ещё съездить в Коктебель и в Ялту. Месяц пролетит незаметно, а там и спасительный сентябрь, школа.

— Да, я согласна.

Ей хотелось танцевать: море, солнце, заливающее всё ярким светом — красота!

— Жильё! Жильё! — обступили её таблички. — Такси!

— Нет. Спасибо, — она направилась к автобусной остановке.

Хозяйка её встречала и оказалась высокой седой женщиной с короткой стрижкой.

— Валентина Семёновна, — представилась она.

— Вера.

— Можно, конечно, проехать ещё остановку, но вы сказали, что вещей с вами немного, и я подумала, что лучше сразу показать, что где находится.

— Валентина Семёновна, меня интересует музей Грина.

— Вы учительница?

— Да.

— Ну, так это ж мы сейчас пойдём мимо.

И чемоданчик весело покати́л вниз.

— Вот ваш музей. — Валентина Семёновна кивнула на небольшой домик с якорем у входа. Казалось, он пришвартовался, да так и осел на месте. Вера улыбнулась. На перекрёстке небольшой фонтан с влюблёнными под зонтом привлекал к себе молодёжь и прохожих с детьми.

— Обратите внимание, Вера, наш город был награждён орденом Отечественной войны. — Они замедлили шаг у высокой плиты на углу дома. — А вот и кассы в галерею Айвазовского, главный вход со стороны набережной. Иван Константинович завещал свои картины родному городу.

Снова замелькали таблички: “Жильё”. Улица упиралась в небольшое белое круглое сооружение, и за ним синело небо. Вера не сразу поняла, что они вышли к морю, так это было непривычно.

— Море! — выдохнула она.

— Вот наша галерея, — с гордостью произнесла хозяйка.

Вера повернула голову влево и увидела забавную картину: у памятника, видимо, Айвазовскому, толпились приезжие; женщина поддерживала девочку, карабкающуюся на сидевшую стацию, та, потеряв ботинок, отполированный до блеска, спускалась вниз. Остальные также приложились к ботинку и довольные отправились в сторону пляжа. Пляж тянулся влево, справа виднелись суда.

— Купаться лучше за четвёртым молотом, — сказала хозяйка, — там вот торговые ряды, — махнула она за галерею, — и по бульвару тоже сувенирные лавки, сейчас пойдём мимо.

— Можно я две секунды, только подойду к воде, я вас догоню, Валентина Семёновна.

— Идите, Верочка, я подожду.

Море плескалось у её ног. Сбылось!

По дороге хозяйка рассказывала об Айвазовском, как он провёл в город водопровод, железную дорогу, указала на красивый фонтан в турецком стиле его работы. Голос её по мере рассказа становился всё более и более взволнованным, и Вера поняла, как горожане гордятся своим великим земляком. К стыду своему, она знала об Айвазовском лишь то, что он нарисовал картину “Девятый вал”. Пройдя по платановой аллее, они свернули направо. Валентина Семёновна торжественно объявила, что сейчас они пройдут мимо могилы Айвазовского, расположенной в ограде старой армянской церкви недалеко от её дома. Вера заверила хозяйку, что обязательно почтит и церковь, и могилу, но сейчас ей хочется скорее добраться до места.

Домик оказался уютным. Две кровати, стол, место для одежды, вентилятор. Во дворе — летняя кухня, туалет и душ. Небольшой двор упирался в гору Митридат, наверху виднелась смотровая площадка. Стояла жара, и Вера подумала, что хорошо бы завтра проснуться рано, подняться на эту площадку и оттуда полюбоваться “Дарованным Богом” городом. Под окнами хозяйского дома росло персиковое дерево и наполняло весь двор запахом

спелых плодов. Хозяйка принесла ей три персика и предложила попить чаю с дороги.

Муж Валентины Семёновны умер пятнадцать лет назад. Сыновья выросли, старший — военный. Она уже на пенсии, вот и пускает к себе отдыхающих. Мать у неё осталась на Украине, и помогать ей стало очень сложно.

— Кушайте, Верочка, не стесняйтесь. Здесь недалеко есть музей сестёр Цветаевых, а если от могилы Айвазовского свернуть направо и идти по улице Ленина, можно прийти к Генуэзской крепости. По дороге встретится мечеть, а дальше увидите три церкви, одна “Иверской Божией Матери”. Обратное можно автобусом проехать до центра.

— Простите, Валентина Семёновна, перебила она хозяйку, — я все-го не запомню. Мне хотелось бы пойти к морю.

— Конечно, конечно, идите, вы за тем и приехали. Не буду вам мешать, Верочка.

Кинув в сумку купальник и полотенце, она отправилась на пляж, но дойдя до галереи, повернула налево. “Целых три дня ходить мимо — слишком долго”, — подумала она и зашагала к музею Грина. У входа, где лежал якорь, несколько человек фотографировались, ожидая экскурсовода. Она тоже сделала снимок на память. Внутри домик оказался ещё более похожим на корабль — дерево, канаты, лампы-фонари, навигационные приборы, подзорная труба, макеты парусников. В одной из комнат она увидела подобие капитанского мостика с настоящим штурвалом, тут же висел спасательный круг с надписью “Secret”. Экскурсоводша рассказывала так вдохновенно, что Вера сделала вывод: все жители Феодосии влюблены в свой город.

Из домика Грина она вышла грустная и зачарованная. У выхода задержалась перед книжным киоском, долго держала в руках “Бегущую по волнам” с рисунками Нади Рушевой, прикидывая в уме оставшиеся деньги, и решила, что один обед можно и пропустить. Выход из музея был на другую улицу, в парке стояли две скамейки, на одной свернулась клубочком кошка. Ей захотелось ещё немного побыть в тишине, она присела на скамейку и достала из сумки хозяйкины персики. Предположительно на карте Грина Феодосия называлась Гель-Гью, а Ялта — Лисс. Она мысленно представила себе это путешествие, надо было лишь дожидаться попутного ветра.

Пляж оказался галечный. Вера вспомнила слова хозяйки и побрела вдоль берега за четвёртый мол. Там она окунулась в воду без риска оступить-ся на камнях. Её охватило то удивительное, ни с чем не сравнимое блаженство, когда тело погружается в морскую воду, и тебе становится радостно и легко. Вера вспомнила про Грина — здесь, в Феодосии, он гулял, купался, ходил с женой на рынок, писал, его печатали, он был счастлив.

Накупавшись, она прошла по молу почти до конца и устроилась на волнорезе загорать. День шёл к вечеру, и уставшее солнце ласкало нагретое за день тело. Она улыбалась и уже не могла представить, что этого всего могло бы и не быть. Кругом плескались и шумели дети, двое мужчин неподалёку вели какую-то непонятную ей беседу, на самом носу мола устроилась влюблённая парочка — каждый, существуя отдельно, вливался в пёструю радостную картину “Отдых на море”, возбуждённо-безмятежную и прекрасную в своей истоме.

С берега до неё доносились звуки музыки и запахи готовящейся еды. Вера вспомнила, что ещё не обедала. Шевелиться было лень, но желудок настойчиво напоминал о себе. Она опять вспомнила Грина, как он пытался с луком охотиться на птиц в окрестностях Старого Крыма, движимый голодом, но безуспешно. Видимо, в последний момент рука его вздрагивала от мысли, что он способен убить Божью тварь. Солнце потихоньку сползло в море. Вера решила дожидаться, когда и к ней подползёт тень, и в блаженстве закрыла глаза, подставив лицо последним лучам.

Набережная утопала в музыке и красках. Музыканты на разные лады без усталости играли и играли. На тонком бордюре клумбы выделяла свои па балерина.

— Каждый зарабатывает, как может, — услышала она от проходивших мимо двух пожилых женщин.

Прямо на проходе стоял улыбающийся золотой джентльмен. Глядя на него, раскрыв рот, остановились женщина с дочерью. Девочка, видимо, сначала подумала, что это памятник, но потом джентльмен дёрнул рукой и шагнул назад к бордюру, девочка засмеялась и захлопала в ладоши. Вера тоже заулыбалась и, проходя мимо, пыгливо заглянула ему в лицо, но джентльмен ничем не выдал своего человеческого происхождения.

Её настиг блистающий прозрачный шар, и, обернувшись, она увидела небольшого роста чародея, который, макая две длинные палки в ведёрко с мылом, выпускал на волю огромные пузыри, которые тут же лопались в ладошках у малышей. Черноусый чародей недовольно хмурился, и его качающаяся голова говорила “ай-ай-яй”, но мальчишки этого не замечали или не хотели замечать. Иногда он что-то говорил, но речь его была ей не понятна, и она решила, что он грек.

Гитарист в соломенной шляпе и белой рубашке, в чёрной жилетке играл так зажигательно, что ноги сами пошли в пляс, и она закружилась в каком-то непонятном восторженном танце. Вере вдруг показалось, что весь этот праздник для неё. Она зажмурилась от счастья и пожалела, что не надела то лёгкое шёлковое платье, которое лежало на особый случай, и босоножки на каблуках. Тогда бы она почувствовала себя настоящей принцессой цирка, раскинувшего своё невидимое шашито. Навстречу ей шли гуляющие — женщины в красивых платьях, дети в панамках, с шарами, мороженым и сладкой ватой в руках, вальяжные мужчины, аккуратные старушки. Вера улыбалась: “Вот он — город у моря”.

Оказалось, что вечер здесь наступает значительно раньше. С семи часов солнце уже начинало уходить с набережной, но небо оставалось голубым. Голубым становилось и море, которое днём было синим. Эта перемена её удивила ещё больше, когда по горизонту прошла сиреневая полоса. Она никогда бы не догадалась, что сочетание голубого и сиреневого так прекрасно, и по этой сиреневой полоске двигался белый теплоход. Вера остановилась и, затаив дыхание, следила за тем, как медленно он перемещается справа налево. Ощущение счастья наполнило её до краёв, но тут же она почувствовала усталость и, вспомнив, что ещё не обедала, направилась в сторону торговых рядов.

Цены в “Столовой по-домашнему” её не удивили, но она отметила, что за ту же порцию борща в Москве она заплатила бы вдвое больше. Уже у кассы Вера вдруг решила продолжить праздник и взяла кусок аппетитного пирога, решив, что чай она попьёт дома.

Район, где Вера поселилась, радовал тишиной, хотя располагался рядом с центром. Вера зашла в магазин, купила на утро творожной запеканки, цена которой её приятно удивила, коробочку плавленого сыра и хлеб. Цены на овощи были московскими. На её вопрос продавщица только равнодушно улыбнулась, а какая-то женщина посоветовала: “А вы сходите на рынок, тут недалеко”.

Следующий день начался хлопотами. Вера проснулась рано и отправилась, как и намечала, вверх по склону к смотровой площадке. Но когда она поднялась и вышла на выложенный брусчаткой островок, увидела, что площадка захламлена пакетами и бутылками, и её романтический настрой пропал. Вера немного посидела на скамейке, отсюда открывался вид на залив, порт, стены крепости. Она вспомнила свой родной городок, обрамлённый горами, потом подобрала пакет, собрала в него то, что не вошло в урны, взглянула ещё раз на город и подумала, что, может быть, и там найдётся человек, который вот так же соберёт мусор, оставленный вездесущими туристами, и пошла вниз. Стрелка подходила к середине восьмого, но уже чувствовалось приближение жары.

Только она спустилась со смотровой площадки, как позвонила Раиса. Она сказала, что едет, и что Вера должна быть готова отправиться на работу. Раиса сразу внесла в её размеренную жизнь деловой импульс, она задвинула вещи дальше под кровать, вышла на ходу какую-то жидкость, которую предварительно встряхнула в шейкере, и, увлекая её за собой, помчалась по направлению к центру.

В рядах они заняли пустующее место. Раиса несколько раз повторила цену товара, хотя везде стояли ценники.

— Запомнила? — деловито спросила и по-птичьи покосилась на неё.

Вера отметила эту манеру говорить, не глядя прямо на собеседника.

— Запомнила, — ответила она.

— Ладно, изучай товар, отдыхающих пока немного. Пойду, улажу дела с арендой.

Ряды столов с сувенирами тянулись далеко вдоль набережной, отделяемые веткой железной дороги. Народу здесь было меньше, но зато падала небольшая тень от зданий. Несмотря на довольно раннее время, отдыхающие уже слонялись туда-сюда и даже подходили посмотреть на разложенный товар. Вид у Веры был неуверенный, и, видимо, это бросалось в глаза, потому что соседки-товарки начали её подбадривать и прогнозировали, что дня через три она “научится, как надо”. На удивление, ей удалось продать три вещицы, на что Раиса заметила, что этого мало и что в хорошие дни были продажи и на пятьдесят тысяч. От этого Вера пришла ещё в большее уныние, но то, что свою положенную ей тысячу она уже заработала, внушало ей оптимизм. Того куража, который она испытывала вчера, не осталось и в помине. Море теперь плескалось не для неё. Она подумала, что к концу дня адаптация пройдёт, и весёлость к ней вернётся. И ещё она подумала, что Раиса всё время как-то психологически давит на неё, и в её присутствии она чувствует себя скованно. В середине дня Раиса притащила откуда-то складной стульчик и отпустила её пообедать. Затем, поворчав, что она ходила целых полчаса, а на такое время товар нельзя оставлять без присмотра, воруют, и что надо брать еду с собой, удалилась и появилась только к вечеру.

К концу дня Вера почувствовала усталость и головную боль от томления на солнце и стояния на ногах. Прибыль небольшая, но все кругом жаловались, что в этом году не так, как в прошлом, и что после дождей клиент вялый, и вообще денег у людей нет. Вера чувствовала себя курицей с подрезанными крыльями. Завтра ей предстояло работать одной. Раиса пересчитала деньги и товар, сказав, что заплатит за работу потом, выгрузила из багажника коляску и уехала, пообещав вернуться дней через пять.

Вера шла с коляской по тому же бульвару, что и вчера. Навстречу ей попадались беззаботные отдыхающие, и она подумала: какое счастье, что был вчерашний день! И ещё она подумала, что сказка закончилась. Она пыталась убедить себя: надо радоваться, что нашлась такая удачная подработка, не в лагере, где неусыпно следишь за детьми, а они разбегаются и разбегаются; не в магазине, где нет места, чтобы присесть, и ты тупеешь с каждой тележкой, выложенной на стеллажи.

Здесь, буквально в ста метрах от того места, где она поселилась, на невольничьем рынке была продана Роксолана. Здесь жили Грин, Волошин и Цветаевы. Бывали Пушкин, Грибоедов, Чехов, Горький и Мандельштам... Айвазовский воспеал море в своих картинах и прославил родную Феodosию на весь мир. И потом у неё появится возможность щеголять южным загаром на зависть тем, кто на юг не попал.

Вера пыталась смотивировать себя на радость, но у неё это плохо получалось. Вдруг в ней щёлкнул невидимый замочек, который сковывал её весь день. Она почувствовала солидарность с балериной на тонком бордюре, с золотым джентльменом, с повелителем мыльных пузырей и с тем музыкантом в чёрных брюках и жилетке, в соломенной шляпе, который весь день дарил свою музыку тем, кто купался, ел и загорал; с её товарками и Грином, охотящимся с луком на птиц и говорящим: “Амба. Больше печатать не будут”.

К ней вдруг вернулся вчерашний кураж, только в каком-то другом, осознанном качестве, и от этого ещё более беспшашный. Вера почувствовала, как расправились плечи, голова встала на место, и белый теплоход поплыл по сиреновой кромке голубого моря.

Вечером следующего дня её ждал сюрприз. Хозяйка, виновато глядя на неё, пожаловалась:

— Раиса плату так и не внесла и, видимо, собирается тянуть, как и в прошлом году. Вода дорогая, а тут попросились люди, семья, на три дня,

сразу оплатили. Уже вечер, и куда они пойдут? В доме тебе будет даже удобнее, потому что отдельная комната и туалет с ванной. Вещи я уже перенесла.

На столе красовались бутерброды с сыром и колбасой, и Вера молча согласилась. Выяснилось, что с хозяйкой живёт младший сын, который всё пропивает и теперь лежит в больнице, поэтому его комната свободна. Валентина Семёновна показала ей чудодейственные капли “Алкостоп”, которые приобрела за четыре тысячи, и поинтересовалась, не слышала ли она чего про эти капли. Вера ответила, что не слышала, но может посмотреть в интернете.

В комнате, где она спала, её не покидало чувство какой-то неуютности, то ли от голых стен, то ли от высоко поставленного небольшого окна, в которое не проникало солнце из-за выстроенного совсем рядом соседнего дома. Вера пыталась понять, почему сын местного фельдшера стал алкоголиком. Она подошла к книжной полке, посмотрела на корешки стоящих книг, прочла: “Волкодав”, читать дальше ей не захотелось.

Валентина Семёновна целыми днями смотрела телевизор и с особым интересом — заседания парламента. На вопрос Веры, как изменилась жизнь после возвращения в состав России, вздохнув, ответила:

— Конечно, довольны, что вернулись. Поначалу всё было хорошо. Но сейчас цены выросли. Да и медикаменты раньше были лучше.

Потом хозяйка начала рассказывать о начавшихся тогда перебоях с водой, но Веру это мало интересовало.

Торговала Вера покупными сувенирами и бижутерией — пёстро, красиво, но без того особого тепла, которое приобретали вещи, рождавшиеся изпод рук на её глазах. Товарки вокруг неё между делом что-то мастерили, и ей было неловко, что она бездельничала. Рядом с ней Елена, приехавшая с семьёй с Украины, ловко складывала из разглаженных руками кусочков ткани куколок-хозяюшек. Девчонки-соседки торговали глиняной посудой, которую мастерил их отец. Младшая, Аиша, нанизывала на нитку бусинки. По ту сторону от Елены — Галина, женщина уже в возрасте, местная, продавала свои картины, но их брали мало, зато магнитики с изображением тех же картин уходили “на ура”. Галина приносила из дома инжир, крупный, мясистый, угощала товарок, угостила и Веру. Вера такого инжира никогда не видела и не ела, а до рынка она так и не дошла.

Продавцы и мастеравые приезжали сюда целыми семьями. Пока дети плескались в воде, взрослые занимались своим товаром. Вера как-то сразу полюбила их всех. Её восхищало их умение делать из простого нужное и красивое. Ей хотелось у каждого что-то купить. Особенно понравилась Вере цветная глянцевая посуда с тонкими краями, изящная и радостная.

О бывшей украинской принадлежности напоминал только кинотеатр в центре города, небольшой, с непропорционально большими буквами “УКРАИНА” да отсутствие банкоматов Сбербанка. Выяснилось, что снять деньги можно только в РНКБ с комиссией. Вот уж глупо получить пятьсот рублей, заплатив при этом сто.

Раиса появилась так же напористо, как и в первый раз. Пересчитав деньги и товар, она заявила, что не хватает серёжек с камнями и кольца, которые не числятся проданными, следовательно, с зарплаты минус тысяча восемьсот пятьдесят.

— Но я никуда не отходила. — У Веры перехватило дыхание.

— Как? Совсем никуда?

— В туалет.

— Ну вот.

— Мы с соседками доверяем друг другу, и подменяем, если надо. Вы сами меня оставили работать без сменщицы. И потом, вы не дали мне опись товара, я сама составила список, вот, можно проверить.

— Ты хочешь сказать, что я тебя обманываю?

— Конечно, нет, но... давайте проверим.

— Заткни свой рот, — прошипела Раиса, — я плачу за то, что ты тут припеваючи живёшь у самого моря, а ты решила меня проверять.

— Я подумала, что правильно было бы передать мне товар по описи, но если вы этого не сделали, я переписала сама.

— Ну, хорошо. Я высчитаю половину.
— Вы обещали мне тысячу в день за выход.
— Обещала, получишь в конце сезона.
— Но я предупреждала, что денег у меня совсем мало, и я рассчитывала на то, что вы будете мне выплачивать каждую неделю.
— Сейчас мне надо заплатить за квартиру, в которой ты живёшь, между прочим.

— Но мне тогда нечего будет есть.

— А ты как рассчитывала, что я тебя ещё и кормить буду? И не надо давить мне на жалость, плачь где-нибудь в другом месте. А не нравится — убирайся.

Вера вышла за ворота. Здесь в переулке было тихо. “Какая я дура! Ехать в такую даль без денег, когда никого из друзей или родных рядом. Сама виновата”. Ноги привычно шли к набережной. Там беззаботно гуляли, сидели на верандах кафе, о чём-то говорили, потягивая напитки, и никому не было дела до неё. “Надо как-то успокоиться”. Она подошла к морю.

— Где ты, Фрези Грант? Куда бежишь ты по волнам? Может быть, твой путь лежит в Лисс или Зурбаган?

— Гель-Гью, Гель-Гью, — послышалось в ответ. Вера улыбнулась, и счастье тихо вернулось к ней. Она ещё постояла на берегу, наслаждаясь прохладой, потом пошла к парку сквозь праздничную карусель набережной и, казалось, забыла о неприятном разговоре. Свернув с аллеи в сторону дома, она отметила, что здесь безлюдно. Проходя мимо скверика с могилой Айвазовского, повернула голову и увидела ещё одну тень. Она оглянулась — никого. Странно. Кошки, которые вечно сидели вдоль дороги, даже не шелохнулись. Вера сделала несколько шагов и остановилась. Обе тени последовали за ней. Вера ещё раз оглянулась, ей стало как-то не по себе. Бывает же. И к чему это? До дома оставалось несколько шагов.

Когда Вера подошла к воротам, хозяйка, сидевшая за столом в летней кухне, окликнула её:

— Отдыхай. Завтра я поработаю сама.

Вера промолчала. За день домик нагрелся. Душно. Кровати стояли недалеко друг от друга, она постояла и, что-то решив для себя, вышла. Найдя несколько дощечек, она сложила их друг подле друга, устроив настил. Потом взяла в охапку постель, расстелила её на дощечках и нырнула под одеяло. Над нею сияли звёзды.

Утром Вера нашла подсунутую под её чашку тысячу рублей. Валентина Семёновна, увидев её, засуетилась, стала предлагать ей показать рынок, где можно всё купить за дешёво и откуда можно будет уехать в Коктебель на городском автобусе, но Вера отказалась, сказав, что сегодня уезжает. Позавтракав, она решила пойти до крепости, зайти в церковь и, как предлагала хозяйка, обратно вернуться на автобусе, но проехать дальше до автовокзала и купить билет на последний рейс. Если даже билет ей не обменяют, в аэропорту можно будет переночевать, а там уже решить, что делать дальше.

Из трёх храмов вблизи крепостных стен, по всей видимости, действующим был только один. На развилке Вера повернула направо. Дорожка вывела к старой кубообразной церкви, увенчанной строгим крестом. Она обошла её вокруг и остановилась там же, куда вывела её дорожка. “Идти вперёд или вернуться назад?” — подумала она, глядя на церквушку, утопающую в зелени и цветах. Навстречу ей, легко перебирая ножками, шла девочка лет шести.

— Ты с кем идёшь? — спросила она девочку.

— Ни с кем, одна, — моргнули белёсые реснички.

— И куда ты одна идёшь?

— В церковь.

— В церковь? И я в церковь, вот только не пойму, как туда пройти. Может, пойдём вместе?

— Пойдёмте, — девочка легко поскакала по дорожке и светлые волосы-ки травкой закачалась на её голове.

— Как тебя зовут? — еле поспевая следом, спросила Вера.

— Обыкновенно.

— Обыкновенно... это как?

— А так!

Девочка шла вприпрыжку, и было забавно на неё смотреть. “Кузнецик”, — подумала Вера и рассмеялась.

— Сколько тебе лет?

— Осенью пойду в школу.

— Считать умеешь?

— Да.

— А читать?

— Нет ещё.

— В школе научат.

Церковь опоясалась палисадником: белые, алые, вишнёвого цвета розы, утомлённые солнцем, но оберегаемые зеленью, красовались, и Вера невольно потянулась, чтобы их сфотографировать. Девчужка скользнула в открытые ворота и исчезла. У ворот сидел здоровяк без каких-либо признаков уродства и даже не старый, и если бы не консервная банка у его ног, ей и в голову не пришло бы, что он просит милостыню. Вера прошла мимо по широкой дорожке, выложенной булыжником, остановилась в арке ворот, увитой зеленью, перекрестилась с поклоном и спустилась по ступенькам на каменную дорожку, ведущую к старой церкви. Стены её были каменной кладки, такой же, как и развалины крепости. У входа обращал на себя внимание ряд плит с выдолбленным рисунком — звёздами, каменными цветами и письменами на непонятном языке. Вера подумала, что это как-то связано с Рождеством.

Церковь — небольшая, но уютная, с иконами прямо на каменных стенах — окутала её прохладой и тишиной. Справа продавали иконки и свечи. Она увидела свою знакомую девчужку — та стояла на цыпочках у прилавка и силилась вбросить монетку в ящичек для сбора пожертвований. Она уже собралась ей помочь, но тут монетка скользнула в щель, и девочка радостно заулыбалась. “Какая милая”, — подумала Вера. Купив три свечи и подав записочку “за здоровье”, она погрузилась в молитву и не заметила, как девчужка ушла. Выйдя наружу, она поспешила надеть шляпу и очки.

— Дамочка, подайте бывшему матросу, — здоровяк встал во весь рост, и она отметила, что он хорошо сложен. Один глаз его прищурен, и невозможно понять, хитрость ли это или дефект. Вера молча его разглядывала.

— Мадам, вы находитесь на территории Старого города. Говорят, когда-то в этой долине находилось более тридцати храмов. Обратите внимание на остатки Генуэзской крепости, она, как и город, носила название Кафа. Этим стенам больше шести веков. Если дамочка желает, подалее есть родник, и ещё одна церковь, но закрытая. Слева от неё за гаражами — море, дикий пляж, справа — дорога на крепость.

Вера с интересом слушала. Здоровяк пытливо взглянул на неё, переступил с ноги на ногу и снова заговорил:

— Здесь были итальянцы, и вообще кого тут только не было. Поэтому и церковь “Иверская”. Дамочка! Ссудите бывшему матросу.

— А вы матрос?

— Закончил когда-то Нахимовское.

— Да вы что!

— Да ничто, хватит с меня, отслужил, — он брякнул банкой.

— Нет. Я думаю, что обижу вас, если дам вам денег.

— Что ж обидите-то?

— Вы — отличный гид!

— Да ну... — Он безнадёжно опустил рядом со своей банкой.

— Подумайте. Вы можете стать прекрасным экскурсоводом. — Вера улыбнулась, махнула ему рукой и зашагала вперёд по тропинке.

Дорожка привела её к памятнику. Он был вполне современным и среди древних сооружений выглядел странно. Она подошла ближе, чтобы прочитать надпись на постаменте: “Афанасию Никитину, купцу-путешественнику, автору “Хожения за три моря”, придохшему в Кафу в лета 1474 ноября 5 дня”.

Слева от памятника дорожка шла наверх, к крепостным стенам. Склон показался ей небольшим, но подниматься в жару тяжело. Каменная громадина нависала и то ли угрожала, то ли защищала. Вера обратила внимание на круглое отверстие с рваными краями, видимо, след от пролетевшего ядра. Отсюда хорошо просматривалась бухта с затонувшей баржей — и стены, и эта баржа, и вросшие в землю камни — всё было неподвижно-величественно. Пред ней простиралась карантинная зона — памятник человеческой вражды и смирения. От жары воздух подрагивал. Вера прислонилась к стене, закрыла глаза и вдруг отчётливо услышала какой-то шум. Она силилась посмотреть, что за шум, но глаза придавили потяжелевшие веки, и она только напряжённо вслушивалась. Ей показалось, что она слышит лязг оружия, храп коней и крики людей. Вера сильнее прижалась к стене, глаза её медленно с опаской открылись, и она замерла в восторге от картины, открывшейся её взору. Море величественно и спокойно простиралось вдаль, и солнце софитами заливало окрестности. Жара становилась невыносимой, и Вера направилась к морю.

На обратной дороге она повернула к роднику и там разговорилась с молодой женщиной. Они познакомились, женщину звали Мария. Она рассказала, что они сбежала от родителей, решила пожить самостоятельно и в Крым приехала с попутчиками. Вера поинтересовалась, не опасно ли это, но та только рассмеялась. По дороге к остановке они полакомились уже начинавшей поспевать ежевикой. Показался автобус, и Вера, пожелав Марии удачи, побежала к остановке.

Когда от кинотеатра “Украина” она спускалась вниз к морю, вдруг увидела имя Пушкина на табличке. На улицу со второго этажа небольшого здания выходил красивый балкончик, и она представила, как Александр Сергеевич читал оттуда свои стихи, посвящённые местным дамам. Остаток дня она провела у моря, посетила галерею Айвазовского и даже позволила себе обед в столовой — гулять так гулять.

Вернувшись, она стала собирать чемодан. Валентина Семёновна позвала её пить чай. За чаем рассказала, что сына завтра выписывают. Вера вспомнила, что в церкви поставила свечку за здоровье хозяйки и пожалела, что не узнала имени сына, но сейчас это было уже не важно. Калитка щёлкнула, и показалась Раиса. Вера удивило, что она пришла так рано.

— Зайди, я хочу с тобой поговорить. — Раиса прошла в летнюю кухню. “Сдала”, — подумала Вера, глядя на Валентину Семёновну, поблагодарила за чай и пошла к домику. Раиса сидела за столом в тёмных очках. Подойдя к двери, Вера замешкалась: войти или нет.

— Ты поступаешь неправильно, это обыкновенные деловые отношения.

— Извини, я не хочу опоздать на автобус, — ответила Вера с порога.

— Зайди. Вот твоя зарплата за проработанные дни.

На столе веером лежали четыре тысячи. Вера зашла, взяла деньги, но тысячу положила обратно.

— У меня нет оснований тебе не верить. Я думаю, ты сможешь найти кого-нибудь из местных. — Вера подхватила свой чемоданчик, махнула хозяйке рукой и вышла за калитку.

На автовокзал она приехала с запасом времени. Тощая кошка ходила между сиденьями в надежде, что её покормят. Объявили посадку на Москву, что Вера сильно удивило. Рядом засобиралась женщина.

— Я не ослышалась? Это автобус на Москву?

— Да, — ответила женщина.

— И сколько стоит билет?

— Три тысячи.

— Всего-то?

Бросались в глаза всё те же таблички: “Жильё”. Женщины переговаривались с таксистами, и из их разговора Вера поняла, что они недовольны, что москвичи понастроили здесь жилья, и клиент уже с вокзала едет с ключами; что приезжих всё больше и больше, и скоро самим негде будет отдыхать. Объявили посадку. В аэропорт шла маршрутка. Вера взяла билет так, чтобы хотя бы проехать мимо Коктебеля. Её место оказалось с оторванным

сидением, которое плавало под ней, и она села на соседнее, тринадцатое, пока оно было свободно. Небо заволочли тучи, и жаркий солнечный день насушился дождём. “Домой”, — сказала она про себя. У неё ещё оставалась надежда найти работу и остаться в Симферополе, но она понимала, что скорее это её фантазии и никакой работы она не найдёт, надо было обменять билет и лететь как можно скорее, пока ещё оставались деньги. Ещё она подумала, что день всё же прошёл хорошо.

Стемнело, и Вера не заметила, как они проехали Коктебель. В Судаке была остановка. В маршрутку с весёлым шумом ввалился худощавый молодой человек в панаме, из-под которой выбивались наружу светлые курчавые волосы. “Том Сойер на длинных ногах”, — подумала она и улыбнулась. Молодой человек плюхнулся на заднее сидение в середине прохода и стал рассматривать билет.

— Тринадцатое место, — сказал и стал искать глазами.

— Это здесь, — сказала она, — я на нём сижу.

— Ну и сидите, — улыбочиво ответил он.

— Моё кресло сломано, может быть вам удобнее будет остаться там, где вы сели? — Она смерила взглядом его длинные ноги.

— Да всё нормально. Наверняка, кто-то сядет ещё. — И он втиснулся в соседнее кресло.

— Летите? — спросил он.

— Да, хотелось бы. Мне надо поменять билет.

— Что так?

— Денег осталось только, чтобы вернуться домой.

— Хорошо отдохнули?

— Да. Отлично!

— А почему улетаете раньше?

— Подработка не задалась. Если обменяют билет без проблем и будет время, то хочу доехать до Гурзуфа и до Ялты, говорят, туда ходит троллейбус из Симферополя.

— В Ялте тоже море.

— Там жил Чехов.

— Это так важно?

— Для меня да.

— А я был в Артеке.

— Так вы паинька и отличник?

— Нет, — он рассмеялся, — я там учился на кондитера. Булочки, бисквиты, эклеры, кексы...

— М-м-м-м, какая вкуснятина!

— Мне просто повезло. Другие пацаны ходили красно-жёлто-чёрные.

— В смысле?

— В смысле чистили морковь, свёклу и картошку.

Она представила себе эту троицу и рассмеялась.

— Видимо, тому, кто был на картошке, службу в армии засчитали экстерном.

— Попробуйте-ка почистить всё это каждый день на тысячу двести человек.

— Круто. А вы, значит, на булочках?

— Ну да, мне повезло. Мне вообще всегда везло. По молодости мы сходились стенка на стенку у памятника Ленину.

— И вы?

— И я, почему нет.

— Зачем?

— А так, я рос хулиганом. Целыми днями лазили по всему побережью. Были у нас в Генуэзской крепости?

— Нет.

— А зря, наша, в отличие от Кафы, сохранилась хорошо. Теперь даже деньги за вход берут. Всё моё детство прошло под стенами этой крепости: откапывали там всякие железные штучки, рыбу ловили, там же и жарили на берегу. Есть что вспомнить.

— Тоже летите?

— Да. В Москву.

— Работать?

— Экзамен сдавать.

— Вы что, куда-то поступаете?

— Я сдаю экзамен по немецкому языку, два раза уже завалил.

— Моя подруга тоже заваливала два раза экзамен, правда, по экономике, решила поменять профиль. И вы знаете, что ей помогло?

— Что?

— Выхухоль, я, правда, не знаю, что это за зверь.

— Мне кажется, это что-то птичье.

— Не важно, можно посмотреть в интернете. Я ей пересказала тест: когда заходишь в первый раз и видишь человека, попробуй представить его в виде животного, это поможет наладить с ним контакт. Если ты видишь перед собой, допустим, льва, а ты заходишь и трясешься, как заяц, то навряд ли ты выиграешь от этого. Или, допустим, ты заходишь, и сидит козёл, а ты такой кочан капусты...

— Понятно. У вас в Москве нет хорошего учителя по немецкому языку?

— Нет. Я живу от Москвы ещё час езды. Зачем вам немецкий?

— Без экзамена по языку на ПМЖ не пустят. Все мои уже уехали, остался я один. У меня и паспорт есть. Вот.

— Да, заграничный. Ну, так вперёд! Как вас зовут? — Она с любопытством разглядывала паспорт.

— Артур.

— Артур Грау. Вы что, из Прибалтики?

— Нет. Я родился здесь.

— А сейчас хотите уехать?

— Да. Не вижу смысла здесь оставаться. К тому же родные все уже там.

— Вы думаете, там будет легко? Не факт, что вы сможете работать по профессии.

— Да, там жёсть. Либо ты доказываешь, что ты крутой профи, либо: “Вот тебе тряпка”.

— И зачем же вам туда?

— Все мои одноклассники либо сидят, либо уже отсидели, я один везучий. Она посмотрела на него, прикинула в уме — тридцать пять лет, всё ещё может состояться.

— Вы знаете, как учил языки Шлиман, а он знал пятнадцать языков, это тот, кто раскопал Трою? Он брал книгу на двух языках и читал, сопоставляя текст, заучивал куски, а потом находил собеседника. Русский, кажется, он учил по “Робинзону Крузо”, а потом нанял какого-то нищего еврея, и тот за шиллинг в день слушал, как он пытается говорить по-русски. А вообще лучше всего учить язык в среде, где никто тебя не понимает.

— Ага. Вам надо придумать какую-нибудь историю, чтобы они согласились поменять билет.

— Зачем? Можно просто сказать, что возникла такая необходимость. А вы чем занимаетесь, Артур?

— Да всем понемногу. Что придумую, тем и занимаюсь. Я плитку кладу, знаете, так... — И он сделал жест рукой, что означало, видимо, красиво.

— Здорово! Слушайте, Артур, я в школе учила немецкий, правда, терпеть его не могла. Но однажды мы проходили Генриха Гейне и учили его стих “Лорелея”, я его до сих пор помню. Благодаря Гейне я поняла, что немецкий может быть тоже прекрасным: “Их вайс ништ, вас золь эс бэдойтен, Дас их зо траурих бин, Айн медхен аус альтен цайтен, Дас комт мир ништ аус дэн зин”. Правда, красиво?

— Ну да. Симферополь. Почти приехали.

— Может быть, попробовать устроиться куда-нибудь, допустим, в Артек? У вас там нет знакомых?

— Нет. Туда раньше было трудно попасть, я не думаю, что сейчас легче.

— Значит, надо лететь. Жаль. Я так и не побывала в Коктебеле, а там весь Серебряный век. А ещё собиралась в Ялту.

— Ещё приедете, не переживайте. Вы что, литературу в школе преподаёте?

— Ну да. Полжизни не хватило приехать, хотя... почему бы и нет.

Маршрутка остановилась около аэропорта. Артур подхватил её чемоданчик, и они пошли к ярко освещённому зданию, на котором большими буквами красовалось “Симферополь”. Аэропорт был великолепен! Стены внутри утопали в зелени. И как она раньше не догадалась из прилётного отсека зайти в зал ожидания?

— Поменяем билет и пойдём пить вино. Может, и смысл появится. Вы что пьёте?

— Кажется, я всеядна. За свою жизнь я перепробовала все напитки, кроме кактусовой водки. А вообще люблю красное сухое.

Они подошли к кассе Аэрофлота. Билет, оказалось, сдать нельзя, но заменить можно без проблем, надо только доплатить три тысячи пятьсот. Она подумала, что за эти деньги можно было уехать автобусом до Москвы прямо из Феодосии.

— Что? Меняют?

— Да. Только у меня не хватает денег.

— Возьмите. — Он протянул пятисотку. — Сейчас ещё посмотрю.

— Этого достаточно.

“Какая я дура, — подумала она, отходя от кассы, — и зачем надо было брать билет обратно! Совершенно никакой проблемы уехать, а ещё месяц надо как-то жить”.

— Спасибо, я верну. — Вера посмотрела на Артура и смущённо улыбнулась.

— Да ладно. Возьмите ещё. — Он протянул ей двести рублей.

— Нет, не надо.

— Тогда пойдёмте быстрее пить вино, у вас уже идёт регистрация.

Они поднялись на второй этаж. Там тянулся длинный хвост желающих улететь.

— Да, пожалуй, туда не пробраться. — Он кивнул на посадочную зону. — Там есть то, что нам надо, но... Пойдёмте пить пиво.

Они вернулись на первый этаж. Он взял тёмное. В его лице было что-то мальчишеское, и лишь какая-то помятость лица выдавала в нём взрослого мужчину.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Вера. Извините, я забыла представиться.

— Ничего, норм. Пьём?

— За удачу! — они звякнули кружками.

— Я вообще-то не пью, но лететь так скучно, а выпьешь, и хорошо спится.

— Да, — согласилась она почему-то.

— Вот возьмите, Вера, — он протянул ей белый камушек, — это не простой камушек, он вылупился из другого камня, тот был коричневый.

— Как это вылупился? — спросила она, рассматривая маленькую, похожую на большой соляной кристалл пирамидку.

— Сам не знаю. Тот коричневый, лопнул, а внутри него оказался этот. Возьмите, пусть вам повезёт. Потом передадите кому-нибудь ещё.

— Спасибо, — сказала она, крутя на ладони камушек.

— Давайте. — Он махнул рукой в сторону эскалатора. — У меня ещё дела. — И зашагал в сторону.

Вера пошла на посадку, на эскалаторе обернулась: Артур шёл, широко шагая по залу, не оглядываясь, и она пожелала ему удачи. Хмель начинал подходить к голове, и когда самолёт взлетал, сон уже окутал её. “Прощай, Крым! Я вернусь к тебе! Я ещё погуляю по набережной Лисса”. Она спала, и на лице её была улыбка.

В Москву она прилетела ночью. Шёл дождь. “Вот и закончилось моё лето, — подумала она и грустно улыбнулась, — а всё же хорошо, что я побывала в Крыму! Спасибо Раисе, вытащила. В конце концов, всё, что ни делается, всё к лучшему”.

Вера устроилась поудобнее в кресле. Ближе к утру ей захотелось выпить горячего чая, с самолёта у неё оставался контейнер с едой, и можно было позавтракать. Она посчитала мелочь и направилась в сторону автомата.

— Вера! Вы ещё здесь? — услышала она знакомый голос.

— Ну да. Жду утра. А вы уже прилетели?

— Как видите, — рассмеялся Артур, — значит, мы всё же пьём вино?

— Вино на завтрак — это как зефир с креветками.

— Не хотите вина, давайте кофе.

— Да, от кофе я бы не отказалась.

— Пойдёмте, я видел, где уже открыто.

— Хорошо, пойдёмте.

И чемоданчик весело покатился вслед за ними.